

Цзян Шоуянь не ответил, и Чэн Цзайе непринуждённо сменил тему. Он рассказывал о том, как много учился и как трудно было сдавать экзамены в немецком университете; о том, что однажды завалил и письменную, и устную пересдачу по одному предмету, из-за чего пришлось задержаться в вузе ещё на два семестра.

Цзян Шоуянь ел, не чувствуя вкуса. Опустив голову, он всё думал, любит ли что-то настоящему, — и ничего не находил. Казалось, с самого рождения и до сего дня его постоянно заставляли идти вперёд: учиться, поступать в университет, работать, зарабатывать деньги. У него никогда не было времени заметить, ярче ли сегодня небо, чем вчера, пустило ли дерево у порога пару новых почек.

Любовь его родителей не была так прекрасна, как в семье Чэн Цзайе. Сколько Цзян Шоуянь себя помнил, ни разу не видел отца, но в его уходе мать винила исключительно сына. Она впивалась в него длинными ногтями, заставляла стоять на коленях и лишала еды. Всякий раз, когда бабушка возвращалась с подработки и видела окровавленные руки Цзян Шоуяня и его покрытые синяками колени, она плакала от боли за него. Но она не могла винить дочь, потому что та стала инвалидом — в поисках отца она попала в аварию: машина переехала ей ноги.

Позже мать Цзян Шоуяня покончила с собой. У него осталась только бабушка. А потом покончила с собой и она.

— Цзян Шоуянь, — внезапно позвал его Чэн Цзайе. Тот вздрогнул, выныривая из своих мыслей, и резко вскинул глаза. Чэн Цзайе уже успел убрать со стола, помыть посуду и теперь снова возился с подсолнухами на подоконнике.

— Вижу, винная бутылка их уже не вмещает, — сказал Чэн Цзайе. — Можно мне переставить подсолнухи в вазу?

Подсолнухов, кажется, стало на один больше — должно быть, Чэн Цзайе принёс сегодня новый. Он стоял у окна и лучезарно улыбался. Цзян Шоуянь кивнул, и Чэн Цзайе с довольным видом принялся менять воду и добавлять питательный раствор.

Солнечный свет упал на руки Цзян Шоуяня. Он видел, как Чэн Цзайе отрезал подгнившие кончики стеблей. «В конце концов, должно быть различие между жизнью в почве и в воде, —

размышлял Цзян Шоуянь, — пусть даже они освещены одним солнцем и овеяны одним ветром». Поэтому...

— Чэн Цзайе, больше не приноси мне цветы, — сказал Цзян Шоуянь.

Рука Чэн Цзайе с цветком замерла. В комнату тихо влетел послеобеденный ветерок. Воздух словно наполнился тяжестью прошлого.

Цзян Шоуянь полагал, что этих слов достаточно для вежливого отказа. Но Чэн Цзайе будто не понял — или понял, но сделал вид, что не понимает. Он продолжал приходить каждый день, хоть и не приносил цветов. Находил такие предлоги, что Цзян Шоуянь не мог отказать: то нужно проверить газовое оборудование, то починить кран, то заменить мебель, которая уже отслужила своё. А закончив проверять газ, чинить трубы и менять мебель, заявлял, что уже поздно и пора бы поужинать и снова принимался хлопотать на кухне.

Цзян Шоуянь не мог найти слов для отказа, потому что еда, которую готовил Чэн Цзайе, была действительно потрясающей. Казалось, у Чэн Цзайе врождённый талант: всё, что ему нравилось, он делал превосходно — будь то сёрфинг, дайвинг или кулинария, которой он увлёкся лишь в восемнадцать лет. Или, например, это ухаживание — он не обижался на отказы, продолжая откровенно проявлять симпатию.

Цзян Шоуянь, несколько дней питаюсь стряпнёй Чэн Цзайе, не вложив ни юаня в продукты и не вымыв ни одной тарелки, не смог выдать «нет», когда Чэн Цзайе, прислонившись к кухонному острову, сказал:

— Сегодня вечером я иду в беговой клуб, хочешь со мной?

Однако внутри kloкотало неясное раздражение. Вскинув взгляд на Чэн Цзайе, Цзян Шоуянь спросил:

— Я похож на человека, который любит бегать?

— Ты можешь посмотреть, как бегаю я, — ничуть не обидевшись, с улыбкой ответил Чэн Цзайе.
— Это недолго, я бегаю очень быстро.

В семь вечера в Кашкайше было ещё светло. Чэн Цзайе привёл Цзян Шоуяня к месту сбора — просторной площади перед широкой приморской набережной. Пробежка в беговом клубе началась ровно в полвосьмого. На площади уже собралось немало людей с разным цветом кожи: одни в спортивных костюмах делали растяжку, другие привели своих собак, которые послушно сидели у ног хозяев, не шумя и не лая.

Чэн Цзайе тоже переоделся в спортивное: спустившись, он специально зашёл в машину переобуться и сменить одежду на чёрную футболку и короткие шорты. Мышцы на груди слегка натягивали ткань — он выглядел сильным и подтянутым. Цзян Шоуянь бросил на него мимолётный взгляд и тут же отвёл глаза.

— Zephyr! — кто-то узнал Чэн Цзайе, подошёл и, хлопнув его по плечу, поздоровался. Затем незнакомец взглянул на Цзян Шоуяня: — (Кто это?)

Чэн Цзайе с улыбкой представил его:

— (Мой друг, его зовут Райли), — а затем обратился к Цзян Шоуяню: — Такие клубы собираются не каждый день. Сначала в группе сообщают время, и те, кто хочет, записываются. Маршрут фиксированный, обычно пять километров.

Морской бриз растрепал волосы Цзян Шоуяня. Он рассеянно отозвался: «Угу».

— Цзян Шоуянь, побежали со мной, — позвал Чэн Цзайе. — Сейчас не жарко, морской ветер очень освежает.

Цзян Шоуянь промолчал, лишь смотрел на далёкие облака и море, пока его взгляд снова не остановился на Чэн Цзайе, который делал растяжку рядом. Солнечный свет будто благоволил ему чуть больше, чем остальным, — даже его тень казалась мягкой. Спустя долгое время Цзян Шоуянь, поддавшись этой атмосфере, кивнул:

— Ладно.

Чэн Цзайе запрокинул голову и улыбнулся ему. Солнце отразилось в его золотисто-карих глазах, сделав их похожими на цельные куски полированного цветного стекла.

Цзян Шоуянь не бегал так уже очень давно. В последний раз, наверное, ещё в университете, когда в конце каждого семестра нужно было сдавать зачёт на тысячу метров. Баллы за этот норматив шли в итоговую оценку по физкультуре. В то время у Цзян Шоуяню была очень нужна стипендия, поэтому даже такие мелочи, как баллы за бег, имели для него значение. Он начинал тренироваться за несколько дней до зачёта: нарезал по стадиону круг за кругом. Всякий раз, пересекая финишную черту и глядя на секундомер, он чувствовал лишь невыразимую усталость.

Но сейчас всё было иначе. Шум ветра и голоса людей мало-помалу оставались позади. Его тело словно полностью раскрылось. На этой бесконечной набережной, вместе с кружащими и кричащими чайками, он устремился к невидимому финишу.

— Цзян Шоуянь, — ровным голосом произнёс Чэн Цзайе ему на ухо, — ты молодец, бежишь так быстро.

Быстро? Цзян Шоуянь не знал. Он просто следовал за толпой. Не хотел отставать, не хотел останавливаться. Дыхание участилось, ноздри наполнились едким запахом морской соли. Ноги налились тяжестью, словно увязли во влажной земле, но под свист ветра пустили корни и проросли, обратившись в плывущие по небосводу облака и парящих птиц — свободных, не знающих преград.

Он бежал всё быстрее, обходя одного участника за другим. Слышал своё хрипкое дыхание, чувствовал мощное биение сердца и ощущал Чэн Цзайе рядом — тот бежал с ним плечом к плечу. В тот миг между ними будто стёрлись все различия, и они, подхваченные ветром, вместе пересекли финишную черту.

Цзян Шоуянь жадно хватая ртом воздух, упёрся руками в колени, измотанный до предела: конечности ослабли, а лёгкие саднило, будто там полыхал огонь. Но при этом он чувствовал небывалую лёгкость — невыразимое чувство восторга и освобождения.

Чэн Цзайе взглянул на часы — он ещё никогда не бегал в клубе с таким высоким темпом. Он тоже перевёл дух, упёршись в колени, а затем поднял взгляд на Цзян Шоуяня:

— Ты же говорил, что не силён в беге.

Цзян Шоуянь смертельно устал, но, встретившись взглядом с Чэн Цзайе, не выдержал, и они рассмеялись. Члены клуба один за другим достигали финиша и теперь, отдыхая, бродили по площадке. Чэн Цзайе выпрямился:

— Подожди здесь, схожу куплю две бутылки воды.

— Погоди. — Цзян Шоуянь тоже поднялся. — Я с тобой.

Он слишком долго не бегал, и резкий рывок вызвал головокружение. Не успел он сделать и пары шагов, как до его ушей донёсся стук колёс по асфальту. Цзян Шоуянь повернул голову. Он ясно увидел летящего на него скейтбордиста, но тело, скованное усталостью, не успело среагировать — он продолжал по инерции идти вперёд. Чэн Цзайе вовремя дёрнул его на себя, и Цзян Шоуянь послушно отшатнулся назад.

— Устал?

Заметив, что взгляд Цзян Шоуяня всё ещё следует за скейтом, Чэн Цзайе с улыбкой спросил:

— Хочешь попробовать?

— Ты умеешь? — спросил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе кивнул:

— Угу.

Цзян Шоуянь стоял у края дороги и смотрел, как Чэн Цзайе притащил откуда-то два скейта и положил у его ног.

— Если просто катиться и не выделяться с трюками, то всё просто. — Чэн Цзайе отхлебнул воды и поставил ногу на доску. — Это «встать на доску». — Затем сошёл на землю: — Это «сойти».

Чэн Цзайе поставил одну ногу на скейт, а другой слегка оттолкнулся от земли, доска покатила вперёд под действием силы:

— Это «скольжение». — После этого он плавно нажал ногой на асфальт, и скейт остановился: — А это «торможение ногой». Для начала этого хватит. — Чэн Цзайе указал подбородком на открывшийся впереди длинный пологий спуск. — Попробуешь?

Сначала Цзян Шоуянь освоил азы на ровном месте, а затем, понемногу отталкиваясь, докатился до самого края склона. Ветер взметнул его мягкие чёрные волосы. Цзян Шоуянь встал обеими ногами на доску и услышал, как колёса стремительно застучали по дороге. Он летел вниз, и это чувство дарило ему невероятный азарт.

— Не стой так прямо, опусти центр тяжести, поймай баланс! — крикнул ему вслед Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь широко развёл руки. Тени от деревянных заграждений набережной мелькали на его теле. Он видел, как жаркое заходящее солнце пылает и тонет в океане, окрашивая воду густым багрянцем; видел парящих в вышине чаек, чьи расправленные крылья казались воплощением свободы. Чувствовал, как ветер скользит сквозь пальцы, как в такт движению бьётся сердце.

Скатившись с длинного склона, Цзян Шоуянь выехал на ровный участок, и скорость постепенно начала падать. Свист ветра в ушах стих, уступив место голосу Чэн Цзайе:

— Ты счастлив?

Он посмотрел на бескрайнее море и кивнул. Чэн Цзайе внезапно щёлкнул пальцами у его уха, а когда Цзян Шоуянь повернул голову, словно из ниоткуда достал резную деревянную розу. Цзян Шоуянь замер в оцепенении.

— Ты запретил мне дарить живые цветы, но ничего не говорил о цветах из дерева, — произнёс Чэн Цзайе. — Резная роза не завянет, будет цвести вечно. Цзян Шоуянь, я хочу, чтобы ты всегда был счастлив.

Вокруг воцарилась тишина. Где-то в небе кружила чайка. Расправив крылья, она вдруг спикировала к морю, в котором догорал закат. Цзян Шоуянь смотрел на розу, слушая своё бешеное, неутраченное сердцебиение. Последние отблески солнца застыли, словно на старинном масляном полотне. Чэн Цзайе перевёл взгляд на далёкую оранжево-красную линию горизонта, его улыбка была как ленивый ветерок:

— Кажется, мы с тобой посмотрели уже множество закатов. Цзян Шоуянь, а не встретить ли нам вместе рассвет?